

Тайна пушкинской эпиграммы

Валерий ЛИВШИЦ

«Всякая строчка великого пи-
сателя становится драгоценной
для потомства»

А. С. Пушкин,
статья «Вольтер», 1836

Лищинский? Трощинский? Мещерский?
— Ширинский!

Известно, что значительная, если не большая, часть стихотворений Пушкина не была напечатана при жизни поэта. Как правило, это было связано с цензурными ограничениями. Получается так, что Пушкин в ряде случаев заранее знал, что стихотворение не опубликуют, и фактически обращался в нем не к современникам, а потомкам. Такая же судьба постигла двухстрочную эпиграмму о Лищинском, которая была впервые обнаружена В. Е. Якушкиным, внуком декабриста, на оборотной стороне последнего листа большой пушкинской тетради в красном бумажном переплете. Эта тетрадь хранилась в то время (1884) в Румянцевской библиотеке (ныне РГБ)* и ее листы были пронумерованы красными чернилами посмертного жандармского обыска. На обороте последнего, л. 99, была малоразборчивая надпись, сделанная на полях листа, повернутого на 90°. Перед глазами Якушкина впервые предстала неизвестная до того времени эпиграмма:

*Лищин<ский> околел —
отечеству беда!
Князь Сергей жив еще —
утештесь, го<спода.>*

Эти стихи впервые появились в июльском номере журнала "Русская старина" за 1884 г. без всякого комментария. Видимо,

* Сейчас эта рукопись под номером ПД № 838 хранится в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН) в Санкт-Петербурге

смысл этих двух строк был понятен не только современникам поэта, но даже и самому Якушкину.

Мы же, отдаленные от момента написания (сентябрь—декабрь 1828 г.) эпиграммы полутора столетиями, уже почти не удивляемся, читая в комментариях к предпоследнему собранию сочинений Пушкина потрясающие слова. “Рукописная эпиграмма Пушкина, смысл которой неясен”.

Но неужели теперь уже невозможно расшифровать этот стихотворный ребус, и заложенный в нем замысел Пушкина навеки ускользнул от нас?

И все же я взялся за расшифровку эпиграммы, где-то в глубине души веря в благоприятный исход или чудо. Можно ли было

сти ущерб отечеству, хотя об этом и сказано иронически.

Рассмотрим сначала Дмитрия Прокофьевича Трощинского, род. в 1754 г., начавшего свою карьеру войсковым писарем и дослужившегося сначала до министра уделов (1802—1806), а затем министра юстиции (с 1814 г.). Пушкин заканчивал лицей, когда Трощинский ушел в отставку и уехал в свое имение Кибинцы под Полтавой. Умер он в 1829 г., вдали от столицы, а не в 1828. Маловероятно, чтобы поэт и отставной министр были знакомы, хотя Пушкин мог знать о Трощинском от Гоголя, покровителем, земляком и дальним родственником которого был министр. По совокупности указанных причин кандидатуру Тро-

Фотофаксимиле эпиграммы Пушкина “Лищинский околет — отечеству беда...” (публикуется впервые, датируется предположительно сентябрем—декабром 1828 г.)

использовать ту скромную, по меньшей мере, информацию, содержащуюся в эпиграмме, и попробовать зацепиться за нее?

Прежде всего предстояло выяснить, кто этот неведомый Лищинский, которого нет даже в списке русских и украинских дворянских фамилий? Ясно, что Пушкин хотел кого-то скрыть под этой фамилией. Согласно русской эпиграмматической традиции фамилия этого лица должна либо содержать характерную букву “щ”, либо заканчиваться на “ский”. Так, известно, что Каченовского Пушкин преобразовывал в своих эпиграммах в Качерговского, Булгарина — во Флюгарина и т. д. Фонетически с Лищинским могут ассоциироваться три лица: Трощинский, Мещерский, Ширинский (или Ширинский-Шихматов). По смыслу эпиграммы смерть любого из них могла прине-

щинского приходится отбросить.

А что Мещерский, точнее, Мещерские? Мещерские — старинный княжеский род. Из справочника Л. А. Черейского узнаем, что Пушкин был знаком с восемью князьями Мещерскими, семь из которых умерли после 1844 г. и поэтому сразу исключаются из игры, а восьмым был Василий Прокофьевич Мещерский, родившийся в 1779, но дата смерти которого неизвестна. Из его послужного списка мы узнаем, что В. П. Мещерский до 1808 г. работал переводчиком в Военном министерстве. Неизвестно, чем он занимался затем до середины 1827, когда был утвержден в должности председателя Московского цензурного комитета. Вот это находка! Ведь Пушкина всю жизнь допекала цензура, мы знаем, как он боролся с цензурными притеснениями, выступая

за полное сохранение авторского текста.

А может, Мещерский покончил с собой или постригся в монахи? В первом случае он бы не был похоронен по православному обычаю и сведения о нем могли не проникнуть в некрополи. Во втором случае, следуя своему отцу, бывшему Санкт-Петербургскому генерал-губернатору, умершему в 1818 г. в монастыре, в одном из монастырей Курской губернии он мог быть похоронен там же под измененным именем. Я делал даже запрос в Курскую епархию и мне сообщили, что сведений о Мещерском у них нет.

Становилось ясным, что вопрос, как говорится, остается открытым.

Я подумал, что, быть может, второе действующее лицо эпитафии также имеет отношение к цензуре. Анализ большого фактического материала показал, что человек, именуемый князем Сергием есть не кто иной, как Сергей Михайлович Голицын, славившийся своей религиозностью. Возможно, именно ему адресована пушкинская эпитафия 1821 года:

*Князь Г. со мною незнаком.
Я не видал такой негодной смеси;
Составлен он из подлости и спеси,
Но подлости побольше спеси в нем.
В сраженьи трус, в трактире он бурлак,
В передней он подлец,*

в гостинной он дурак.

(то, что в одном из черновых вариантов этой эпитафии сказано "в бою он трус", может говорить о том, что князь Г. не обязательно был военным, потому что боем называли тогда дуэльный поединок).

Набожный Голицын (в его домово́й церкви соби́рался венча́ться Пушкин) носил не светское имя Сергей, а церковно-славянское Сергей. Он был мужем известной петербургской красавицы Евдокии Ивановны Голицыной (урожд. Измайловой), но с 1809 г., когда он переехал из Петербурга в Москву, они жили в разъезде. Голицын отказал жене в разводе, а та в отместку сделала то же самое, когда престарелый Голицын задумал жениться на другой светской красавице — Александре Осиповне Смирновой, которой в разное время увлекались Пушкин, Вяземский и Лермонтов.

Молодой Пушкин посвятил Голицыной, которая была старше поэта на 19 лет, два комплиментарных стихотворения и внес ее в так называемый донжуанский список, со-

ставленный в 1829 г. Однако ее благочестивого мужа, несмотря на его славу благотворителя (например, он построил голицынскую больницу для бедных, в настоящее время 1 городской больницы), Пушкин явно не жаловал. Однако Голицын был в Москве заметной фигурой. Как раз в 1828 г. он назначается вице-президентом попечительного комитета о тюрьмах, а художник В. А. Тропинин пишет его парадный портрет. С него на нас смотрит молодящийся пожилой мужчина с одутловатым, невыразительным лицом и маленькими глазками.

Занимался бы себе и дальше благотворительностью, занимал бы почетную должность по тюрьмам, построил бы еще больницу для бедных, подобную голицынской. Ведь по словам С. Н. Глинки, он имел сотни тысяч дохода.

Ан нет. Честолюбивый Голицын, имевший знак "50 лет беспорочной службы" (а в гвардию, по традиции, он был зачислен еще ребенком), рвался в бой и в апреле 1830 г. 56-летний Голицын указом царя назначается председателем Московского цензурного комитета. Получается, что оба действующих лица эпитафии носили княжеский титул, в разное время исполняли одну и ту же должность и даже (см. иллюстрации) их родовые гербы были очень схожи, о чем Пушкин, великолепный знаток геральдики, не мог не знать. Здесь есть одно "но". Мещерского на его посту сменил не Голицын, а писатель С. Т. Аксаков, после Аксакова был профессор Московского университета А. А. Писарев, а уж после этого заступил на должность Голицын. Можно думать, что вопрос о кандидатуре Голицына на этот ответственный пост обсуждался в верхах уже сразу после 27 октября 1827 года, дня отставки Мещерского (назначен он был около июня того же года). Последним аккордом Мещерского была выдача цензурного разрешения на публикацию в "Московском вестнике" одного из известнейших произведений пушкинской лирики "Поэт" (Пока не требует поэта...), чем он как бы извинялся перед Пушкиным за свои цензурные притеснения. Во всяком случае, Мещерский за эти несколько месяцев успел насолить, если не Пушкину, то его друзьям и единомышленникам. О жесткой цензурной практике Мещерского, "тормознувшего" поэму

С.М. Голицын. Литография с оригинала К. -И. Лаша

Адама Мицкевича “Конрад Валенрод”, общается в своих мемуарах Л. Реттель, друг польского поэта. Уничтожающую характеристику Мещерскому как личности дает в своих “Литературных воспоминаниях” его сотрудник, цензор С. Т. Аксаков.

По словам издателя “Московского вестника” М. П. Погодина, “новый председатель цензурного комитета князь Мещерский, — сын того Мещерского, который преподал Щепкину первые уроки драматического искусства ... , послал на меня донос, выставляя “Московский вестник” отголоском 14 декабря”.

Об этих гонениях на журнал со стороны Мещерского Пушкин прекрасно осведомлен. В своем письме к Погодину из Михайловского от 31 августа 1827 года он писал: “Сцена из “Фауста”, написанная в 1825 г., прошла царскую цензуру... Плетнев доставит вам сцену с копией отношения Бенкендорфа. Если московская цензура (подчеркнуто мною. — **В. Л.**) все-таки будет упрямыться, напишите мне”.

Б. М. Модзалевский опубликовал в 1925 г. записку осведомителя (датирована 13 июня 1827 г.), осуществлявшего по заданию III отделения тайный сыск за Пушки-

ным. Из нее мы узнаем, что поэт посещал дачу известного игрока А. П. Завадовского на Выборгской стороне вместе с “князем Мещерским, назначение которого председателем Московской цензуры произвело повсюду скверное впечатление”. По-видимому, общественное мнение решило в известной мере вопрос об отстранении Мещерского от должности.

Короче говоря, замысел эпитаграммы раскрывается следующим образом: один цензурный чербер “окошел”, но еще жив (очевидно, более старый) человек, который может прийти на смену первого и готовый проводить более жесткую цензурную политику. Поэтому господа, радеющие за отечество, могут утешиться.

О деятельности Мещерского и Голицына на их цензурном поприще следует говорить только в связи с политической обстановкой в России в 1828—1830 гг. В 1828 г. сменилось руководство Министерства народного просвещения, которому подчинялось Главное управление цензуры. Вместо консервативного адмирала А. С. Шишкова (род. в 1754 г.) министром назначается граф К. А. Ливен (род. в 1767 г.). В мае того же года был опубликован новый

цензурный устав, который вступил в силу в 1829 г. На первый взгляд новый устав казался более либеральным по сравнению с “чугунным” уставом 1826 г., но включение в него раздела об ответственности цензоров на самом деле означало ужесточение цензуры.

В конце июля и начале августа 1828 г. Пушкин давал ответы начальнику III отделения е. и. в. канцелярии А. Х. Бенкендорфу по поводу стихотворения “А. Шенье”, написанного в 1825 г. и лицейской поэмы “Гавриилиада”. 19 августа поэта вызывает к себе петербургский обер-полицеймейстер Б. Я. Княжнин и берет с поэта подписку ничего не печатать без обычной цензуры, сообщая тем самым об отмене прежнего (1826 г.) решения Николая I быть единственным цензором Пушкина. Об унижительной процедуре этой подписки Пушкин сообщает в неотправленном письме к Бенкендорфу в августе того же года. В результате принятых мер Пушкин стал чаще страдать от мелочных придирок цензоров, а печататься ему приходилось во многих журналах и альманахах. Из справочника Синявского и Цявловского [12] мы узнаем, что в 1828 г. в России произведения Пушкина выходили 78, а в 1829 — 251 раз и каждый раз ему нужно было получать цензурное разрешение. Это не могло не вызывать раздражения у поэта.

Голицынские “приемы”, которые тот использовал при борьбе с неугодными, политически заостренными произведениями, характеризует редактор “Московского телеграфа” Н. А. Полевой. “Князь вовсе не ходил в должность, пока ему не стало известно, что в 10 номере “Московского телеграфа” за 1830 г. цензор С. Н. Глинка пропустил статью-памфлет Полевого “Утро в кабинете знатного барина”. Сорвавшись на крик, — вспоминает далее С. Н. Глинка, — Голицын заявил мне: “Как вы, сударь, осмелились пропустить такие мерзости на князя Юсупова?” [13]. После этого разноса Голицын направил в Центральное управление цензуры в Петербург жалобу на Глинку, в результате рассмотрения которой тот был отстранен от цензorstва. (Справедливости ради надо сказать, что в действительности названная статья оказалась пасквилем Полевого на Пушкина, который посещал князя Юсупова в его

подмосковном имении Архангельское и посвятил ему в апреле 1830 г. “Послание к К. Н. Б. Ю.”, опубликованное в “Литературной газете” от 26 мая 1830 г. № 30.) Обвинение Полевого в заискивании Пушкина перед вельможами (позднейшее название послания — “К вельможе”) заставило поэта откликнуться на этот памфлет полемической статьей (см. “Опровержение на критику”, 1830 г.).

В пользу такой расшифровки эпиграммы говорит также проведенное мною исследование строфики всех трех стихотворений Пушкина, посвященных цензуре. Их всего три и написаны все в ссылке: “Послание цензору” (1822), “Второе послание цензору” (1824) и “Тимковский царствовал и все твердили вслух” (1824). Все они написаны относительно редким у Пушкина стихотворным размером — шестистопным ямбом со смежной рифмовкой. Как заметил еще 40 лет назад Б. В. Томашевский, размер в стихах Пушкина определяется тематическим наполнением. Поэтому в ряде случаев можно установить, о чем идет речь в эпиграмме, по минимальной информации.

Сказанное становится ясным при сравнении приведенной в самом начале статьи эпиграммы со “Вторым посланием цензору”:

*Недавно, тяжкою цензурой притеснен,
Последних, жалких прав
без милости лишен,
Со всею братией гонимый совокупно,
Я, вспыхнув, говорил тебе
довольно крупно.*

При сравнении обнаруживается, что и эпиграмма о Лищинском написана все тем же размером. Это является очень сильным, хотя и косвенным доводом в пользу предлагаемой расшифровки.

Вроде бы все складно получается, но есть еще большое “но”. Дело в том, что год смерти В. П. Мещерского до сих пор остается неизвестным. Мне не удалось найти эту дату ни в “Московском некрополе” (Мещерский, по свидетельству С. Т. Аксакова, не имел в собственности дома и жил у молодого графа Д. П. Шереметева (1803—1871) в его особняке (“ротонде”) на Воздвиженке, дом 6), ни в “Петербургском некрополе” (Мещерский постоянно проживал в Петербурге, ни в “Русском провинциальном некрополе” (у

Мещерского было имение в Новгородской губернии, которое он заложил в 1829 г.), ни в "Русском некрополе за границей", изданных в 1907—1914 гг. Поиски даты смерти Мещерского в областных архивах Новгородской и Вологодской областей также не дали результата. Возможно, что поводом к написанию эпиграммы был ложный слух о смерти Мещерского, в дальнейшем не подтвердившийся. Он мог также, подобно отцу, постричься в монахи. При этом, как известно, принималось новое, мирское имя. Из родословной книги В. Руммеля и В. Голубцова (1886—1887) можно узнать, что в 1829 г. В. П. Мещерский получил чин коллежского советника (чин 6 класса). Самое позднее известное упоминание о Мещерском удалось найти в "Санкт-Петербургских ведомостях" за 17 и 30 декабря 1830 г. В рубриках о выезжающих и прибывающих в столицу назван отставной коллежский советник князь Мещерский.

В поисках разрешения противоречия между датой написания эпиграммы и датой смерти Лицинского-Мещерского я предположил, что в эпиграмме глагол "околет" употреблен не в его обычном значении. В словаре В. И. Даля, составлявшемся еще в пушкинское время, мы не находим глагола "околеть", а только его несовершенную форму "колеть" или "калеть". Наряду с обычными значениями: "умереть", "цепенеть", мы находим и более редкое значение: "скорбнуть". А совершенная форма этого глагола в том же словаре означает: "печалиться, сокрушаться, тужить, кручиниться, грустить, тосковать, хилеть, хворать".

В поисках лиц, которые "заскорбели" к концу 1828 г., когда писалась эпиграмма, я натолкнулся на князя Сергея (Сергия) Александровича Ширинского-Шихматова, одиозного одописца, автора поэм, которые подвергались многократным нападкам Батюшкова и Пушкина. Карьера Шихматова была головокружительной. В 35 лет он становится членом Российской Академии, а в 1812 г. неожиданно получает пожизненную императорскую пенсию в 1500 руб. серебром. Отказавшись от должности преподавателя в царскосельском лицее, он служит в Морском корпусе в Петербурге, но вскоре, после смерти двух младших братьев, Алексея и Павла, уходит в отстав-

ку и определяется в новгородский Юрьев монастырь (конец 1827 г.), а в марте 1830 принимает монашеский постриг и мирское имя Аникита (заметим, что это происходит одновременно с назначением князя С. М. Голицына во главе московской цензуры).

Шихматов был членом пресловутой "Беседы любителей русского слова", в которую входили небезызвестный драматург князь А. А. Шаховской (1777—1846) и министр народного просвещения адмирал А. С. Шишков (1754—1841). Участники "Беседы" ратовали за сохранение в русском языке славянизмов и за освобождение языка от иностранных слов, предлагая, например, искусственное слово "мокроступы" взамен общеупотребительного "галоши".

Упомянутой "тройке" Пушкин посвятил одну из самых ранних своих эпиграмм:

Угрюмых тройка есть певцов:

Шихматов, Шаховской, Шишков.

Уму есть тройка супостатов:

Шишков наш, Шаховской, Шихматов.

Но кто глупей из тройки злой?

Шишков, Шихматов, Шаховской!

С некоторым опозданием, объясняемым его юным возрастом, лицеист Пушкин отозвался на поэму Шихматова о Минине и Пожарском (1809). В этой эпиграмме, в которой мы находим явное заимствование у Батюшкова, есть одна строфа:

*Пожарский, Минин, Гермоген,
Или Спасенная Россия.*

*Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки словеса пустые.*

Следуя Батюшкову, молодой Пушкин в своем лицейском стихотворении "Тень Фонвизина" называет Шихматова "Безглагольным пресловутым", так как тот ратовал против применения глагольных рифм.

Поэмы Шихматова и других славянистов о Петре Великом вызвали великолепные эпиграммы Батюшкова и других:

Не странен ли судеб устав!

Певцы Петра — несчастья жертвы.

Наш Пиндар* кончил жизнь,

поэмы не скончав,

Другие живы все, но их поэмы

мертвы!

* Державин.

В этой эпиграмме нельзя не заметить фразеологической аналогии с эпиграммой о Лищинском — «Князь Сергей жив еще», что, на наш взгляд, не является случайным.

Судьба распорядилась так, что князь Шихматов, который был старше Пушкина на 15 лет, пережил поэта на 4 месяца, умерев в Афинах во время путешествия к святым местам.

Кандидатура Шихматова взамен несуществующего Лищинского представляется весьма убедительной. Тогда игривость эпиграммы в том, что оба действующих лица носят княжеский титул, обоим зовут Сергей, оба отличаются религиозностью. Автора бесталанных поэм сменил поэт-дилетант, каким был Голицын. Здесь Пушкин под глаголом «околел» также имел в виду не биологическую, а светскую смерть Шихматова.

Пусть читатель выберет сам наилучшего кандидата в Лищинские. Хотя версия с Мещерским является социально более значимой, но вариант с Шихматовым более типичен для тематики пушкинских эпиграмм.

В заключение следует заметить, что если принять кандидатуру Мещерского, то будет иметь место несоответствие принятой датировки эпиграммы биографическим сведениям о Мещерском после 1828 г. Однако, отвечая на мой запрос, хранитель пушкинского фонда ИРЛИ в Санкт-Петербурге Т. И. Краснобородько заметила, что рассматриваемая эпиграмма, находящаяся в рукописи рядом с переложением баллады В. Скотта «Ворон к ворону летит» (1828), написана другими чернилами и несколько измененным почерком. То же относится к расположенной на этой же странице эпиграмме «Покойник, автор сухощавый». Так как в пушкинской рукописи есть стихи, датируемые даже 1833 г. («Осень»), эпиграмма о Лищинском может быть написана между этими двумя датами, а именно в 1830 г., когда Сергей Голицын вступил в свою пресловутую должность. Тогда все становится на свои места.

До нас дошли 94 эпиграммы, написанные Пушкиным. Прочтенные заново две строчки великого поэта поистине становятся драгоценными

«Св. Николай» или «В.К. Алексей»?

Владимир ЧИСНИКОВ

25 июня 1902 года Л. Н Толстой, находившийся на лечении в Крыму почти десять месяцев, вместе с семьей уезжал на пароходе из Ялты в Севастополь, чтобы затем на поезде отправиться в Ясную Поляну. В Ялте состоялось знакомство Льва Николаевича с молодым, тогда еще начинающим писателем А. И. Куприным, который впоследствии посвятил этому событию прекрасную миниатюру — очерк-воспоминание «О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай».

Благодаря Куприну, имя парохода, доставившего на своем борту Льва Толстого в Севастополь, стало в литературе хрестоматийным и ни у кого из литературоведов сомнений не вызывало «Святой Николай» перекочевал на страницы не только многочисленных статей, но и солидных моногра-

Альманах писательского
и журналистского расследования

Выпуск № 8

Spy

Writer's and journalist's
almanac of inquiry

ШПИОН

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЦЕНА

Блеск и нищета
президента Галазова 3

Заявление Конгресса
народно-патриотических сил
РСО-Алании
«О положении в республике
Северная Осетия-Алания» 5

Народ и правители
Спецвыпуск 6

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

В. Логинов
Тамбовские волки
Заметки о конфликте милиции
с местной властью 49

ВСТРЕЧИ В РЕДАКЦИИ

В. Величко
Во имя звезды России 65

ЭКОНОМИКА

В. Юрьев
Экономические аспекты

Москва "Мистикос" 1996